

Опубликовано в журнале:

ЪНеприкосновенный запас 2010, №2(70)

Политическая теория и практики деполитизации

Анри Лефевр

Социальное пространство

Анри Лефевр (1901-1991) - французский социолог и политический философ, теоретик неомарксизма. Среди его работ : УCritique de la vie quotidienneФ (1947), УProblemes actuels du marxismeФ (1958), УIntroduction a la modernitéФ (1962), УLe langage et la sociétéФ (1966), УSociologie de MarxФ (1966).

Анри Лефевр

Социальное пространство [1]

Наш проект требует очень внимательного описания терминов и понятий, входящих в конструкцию Упроизводство пространстваФ, тем более, что ни первая, ни вторая ее составляющая не является особенно ясной.

В гегельянстве понятие *производства* - определяющее. (Абсолютная) Идея производит мир, после чего природа производит человека, в свою очередь производящего, путем борьбы и труда, одновременно - историю, знание и самосознание, то есть Дух, который воспроизводит начальную и конечную Идею.

У Маркса и Энгельса концепция УпроизводстваФ не включает в себе той двусмысленности, которая делает ее столь плодотворной. У нее есть два значения, одно очень широкое, а другое узкое и точное. В широком значении люди как общественные существа *производят* свою жизнь, свою историю, свое сознание и свой мир. В истории и в обществе нет ничего, что не было бы приобретено и произведено. Сама УприродаФ, какой она предстает органам чувств в общественной жизни, модифицируется, то есть производится. Люди производят юридические, политические, религиозные, художественные, философские и идеологические формы. Следовательно, производство в широком значении включает в себя многочисленные творения (*oeuvres*) и различные формы, даже если эти формы не несут на себе клейма производителя или производственного процесса (как, например, логическая форма, абстракция, которую легко представить в качестве вечной и *непроизведенной*, то есть метафизической).

Однако ни Маркс, ни Энгельс не оставляют концепцию *производства* столь неопределенной. Они ее суживают, и в результате не остается творений в широком смысле слова; теперь речь идет лишь о предметах - *продуктах труда*. При уточнении эта концепция сближается с расхожей, то есть банальной идеей, такой, как мы ее видим у экономистов. Кто производит? Как? Чем больше концепция уточняется, тем меньше места остается в ней для творческой силы, изобретательности, воображения - остается лишь труд.

УОгромным достижением Адама Смита явилось то, что он отверг всякую определенность деятельности, создающей богатство; у него - просто трудЕ Вместе с абстрактной всеобщностью деятельности, создающей богатство, признается также всеобщность предмета, определяемого как богатство; это продукт вообще или опять-таки труд вообщеФ[2].

Производство, продукт, труд - три концепции, возникшие одновременно и заложившие основы политэкономии, - это абстракции с особым привилегированным статусом, это

конкретные абстракции, позволяющие анализировать производственные отношения. Правда, что касается концепции производства, она так и не становится полностью конкретной и получает свое содержание лишь при ответе на вопросы, которые сама и позволяет задать. Кто производит? Что? Как? Зачем и для кого? За пределами этих вопросов и ответов на них производство остается абстракцией. При этом у Маркса и Энгельса эта концепция не обретает окончательной формы. Только гораздо позже Энгельс, уже как чистый экономист, попытался заключить ее в более узкие рамки. УФактор, в конечном счете определяющий историю, - это производство и воспроизводство действительной жизниФ, - написал он в письме к Блоху 21 сентября 1890 года. Фраза звучит догматически и неопределенно: утверждается, что производство включает в себя биологическое, экономическое и социальное воспроизводство, но никаких объяснений этому не дается.

Как по Марксу и Энгельсу определялись *производительные силы*? Сперва свою роль играет природа, а потом труд, то есть организация (разделение) труда, а значит, так же и орудия труда, включая технологии, а значит, и знание.

Чересчур вольное определение допускало настолько широкое истолкование, что сама концепция производства со временем потеряла свои очертания. Производство знания, идеологии, письма и смысла, образов, дискурса, языка, знаков и символов; работа сновидения, работа УэффективныхФ концепций и так далее. Все эти понятия получают такие расширительные интерпретации, что их понимание размывается. Тем более что авторы этих расширений намеренно злоупотребляли приемом, который простодушно использовали Маркс и Энгельс: понятие в широком, то есть философском понимании, наделяется позитивным смыслом, присущим ему в узком или научном (экономическом) понимании.

Таким образом, не лишним будет еще раз обратиться к этим концепциям, чтобы вернуть им смысл и диалектически интерпретировать, а также более строго определить понятия УпроизводствоФ и УпродуктФ, равно как и отношения Утворение-продуктФ и Уприрода-производствоФ. Резюмируя то, что будет объяснено далее, скажем, что *творение* содержит в себе нечто уникальное и незаменимое, тогда как *продукт* можно воспроизводить, и он появляется в результате повторяющихся актов и поступков. Природа создает, а не производит; она предоставляет ресурсы для созидательной и производительной деятельности общественного человека; но она производит только *потребительную стоимость*, а каждая потребительская стоимость (каждый продукт, если он не предназначен для обмена) возвращается в природу или выполняет роль естественного блага. Земля и природа очевидным образом оказываются неразделимы.

Производит ли природа? Из этимологии следует так: производить (*produire*) значит Увести вперед, изнутри - наружуФ. Однако природа не совершает труда; у нее есть только одна присущая ей черта - она создает. То, что она создает, - например различных УсуществФ - просто возникает, просто появляется. Она их не замечает (если под природой не разуметь некое расчетливое божество или провидение). Дерево, цветок или плод не являются УпродуктамиФ, даже в саду. Роза такая, какая она есть, существует без всяких УпочемуФ, она цветет потому, что цветет. УБез желания быть увиденнойФ (Ангелус Силезиус). Она не знает, что она красива, что она приятно пахнет или представляет собой симметрию в N -ой степени. Понятно, что к этим вопросам действительно нужно вернуться и пойти в их анализе еще дальше. УПриродаФ не может действовать с той же целью, что человеческие существа. То, что она создает - эти УсуществаФ, - является творениями. В них есть УнечтоФ уникальное, и хотя они и относятся к какому-то роду и виду, но они представляют собой конкретное дерево, конкретную розу, конкретную лошадь. Природа является бескрайним полем порождения. УВещиФ рождаются, растут и созревают; они увядают и умирают. За этими конкретными творениями скрывается бесконечность. Но зримо природа является как грубая, щедрая, жадная, изобильная и всегда открытая. Пространство природы - это не мизансцена. Почему? Нет никаких УпочемуФ. Цветок не знает, что он цветок. И умирает не

смерть. Если мы поверим в слово УприродаФ, его древнему метафизическому и теологическому значению, то поймем, что все главное происходит в глубине. Говоря УприродаФ, мы подразумеваем спонтанность. Но сейчас природа отдалается; и это самое малое, что можно сказать по этому поводу. А, наверное, следует идти дальше и признать, что природу убивают антиприродой: абстракциями, знаками, образами и дискурсами, а также трудом и продуктами. Природа умирает, как и бог. Их убивает УчеловекФ, и, возможно, при этом он совершает самоубийство.

УЧеловекФ, то есть социальная практика, создает творения и производит вещи. В обоих случаях требуется труд, но в том, что касается творений, роль труда (и создателя в качестве труженика) кажется вторичной, тогда как при изготовлении продуктов она очевидно доминирует.

Уточняя философскую (гегельянскую) концепцию производства, обращаясь к экономистам и политэкономии, Маркс хотел наделить имманентно присущей рациональностью как понятие производства, так и его непосредственное содержание, то есть собственно деятельность как таковую. Рациональность избавляет от необходимости обращаться к некоему предсуществующему разуму, божественному или УидеальномуФ, то есть к разуму теолого-метафизическому. В таком понимании она больше не связана с целью, предшествующей или следующей за самим созидающим действием и каким-либо образом определяющей это действие. *Производство* в марксистском смысле стоит над философской оппозицией между УобъектомФ и УсубъектомФ так же, как и над отношениями, выстроенными философами на основе этого разграничения. В чем же состоит рациональность, имманентная производству? В первую очередь, она выстраивает ввиду УзадачиФ (в отношении объекта, который нужно произвести) последовательность актов, сменяющих друг друга. Она определяет во времени и пространстве порядок операций, которые следуют друг за другом и результаты которых сосуществуют. С самого начала деятельности, нацеленной на выполнение такой задачи, мобилизуются пространственные элементы (тела, части тела, глаза), включая *материалы* (камень, дерево, кость, кожа и так далее) и *орудия* (инструменты, оружие, язык, команды, указания). Затем следуют отношения упорядоченности - то есть отношения одновременности и синхронности, - установленные активным разумом между элементами действия на физическом, материальном плане. Этот непрерывный переход от *темпоральности* (последовательность, цепочка) к *спациальности* (одновременность, синхронизация) определяет любую производительную деятельность более, чем любые иные константы и инварианты. Эта форма неразделимо связана с целенаправленностью - и, таким образом, с функциональностью (цель и смысл действия, энергия, затраченная на удовлетворение УпотребностиФ) и с задействованными структурами (сноровка, ловкость, ручные навыки, способность к взаимодействию и так далее). Формальные отношения, которые позволяют соединить разрозненные действия, неотделимы от материальных условий индивидуальной и коллективной деятельности, будь то перемещение каменной глыбы, преследование дичи, изготовление простого или сложного предмета. В таком понимании рациональность пространства не сводится к какому-либо общему качеству или свойству человеческого действия, труда как такового, УчеловекаФ или социальной организации. Напротив, она сама оказывается первопричиной и источником (не отдаленным, а непосредственным, имманентно присущим) активной рациональности, источником, скрытым, но предполагаемым неизбежным эмпиризмом тех, кто работает своими руками и орудиями, кто сочетает или соединяет свои движения, используя собственную энергию.

Со всеми этими уточнениями концепция *производства* остается *конкретной универсалией*, разработанной Марксом на основе идей Гегеля; однако ее смысл впоследствии был замутнен и размыт. Что оправдывает некоторых критиков, которые, впрочем, никогда не скрывали своей тактической цели: ликвидировать эту концепцию - вообще все марксистские концепции, а следовательно, и *конкретную универсалию* как таковую (в пользу

генерализации абстрактного и ирреального, в своеобразном опьянении нигилизмом)[5].

В правом лагере, если так можно выразиться, концепция *производства* с трудом отделяется от продуктивистской идеологии, грубого и топорного экономизма, который старается ее поглотить. На левой стороне (у УгошистовФ) слова, сновидения, тексты и понятия работают и производят сами по себе - в результате мы получаем труд без трудящихся, продукты труда без производства или же производство без продуктов, творения без творцов (нет ни УобъектаФ, ни УсубъектаФ!). Термин Упроизводство знанияФ еще имеет какой-то смысл, когда речь идет о генезисе концепций: любая концепция рождается и растет; но без фактов и без дискурсов социальных существ - то есть УсубъектовФ - кто же производит эти концепции? За некоторой чертой использование формул, подобных Упроизводству знанияФ, сталкивается с серьезным риском. Либо знание помещается в один ряд с промышленным производством, и тогда приходится признавать существующее разделение труда и использование машин (кибернетических) и невозможность какой-либо другой формы этого процесса. Либо концепция производства, в том числе и производства знания, лишается всякого определенного содержания как со стороны УобъектаФ, так и УсубъектаФ, что открывает дверь для всяческих мистических и иррациональных измышлений.

Но (социальное) пространство - не одна вещь из многих, не продукт среди других продуктов; оно включает в себя вещи-продукты, содержит в себе их отношения в их сосуществовании и синхронности: (относительном) порядке и/или (относительном) беспорядке. Оно - результат последовательности или комплекса операций, оно несводимо к простому объекту. Однако в нем нет ничего от фикции, ирреальности или УидеальностиФ, сравнимых с теми, что присущи знаку, репрезентации, идее или сновидению. Являясь результатом действий, совершенных в прошлом, оно само позволяет действиям происходить, побуждая их или запрещая. Среди этих действий одни связаны с производством, другие - с потреблением, то есть с использованием результатов производства. Социальное пространство включает в себе многообразие знаний. Но каков его собственный статус? В каком оно находится отношении к производству?

Производство пространства. Эта комбинация слов не имеет ни малейшего смысла, пока концепциями оперируют философы. Пространство философов мог создать только бог, в качестве своего первого творения, бог картезианцев (Декарта, Мальбранша, Спинозы, Лейбница) или абсолютист посткантианцев (Шеллинга, Фихте и Гегеля). И если позднее пространство стало напоминать деградацию УсуществаФ, разворачивающуюся во времени, эта уничижительная оценка ничего не меняла по существу дела. Лишенное ценности, релятивизированное пространство тем не менее продолжало зависеть от абсолюта и длительности (как у Бергсона).

Теперь представим себе город, пространство, оформленное, отделанное, полное разнообразной социальной активности, развертывавшейся в ходе исторического времени. Это *творение* или *продукт*? Вспомним Венецию. Если творение уникально, оригинально и изначально, если творение занимает пространство, но привязано ко времени и проживает пору зрелости между зарождением и умиранием, то о Венеции нельзя сказать иначе, как о *творении*. Вот перед нами пространство, весьма выразительное и значительное, и столь же уникальное и единичное, как картина или скульптура. Но что оно выражает и что значит? Или кого? Можно сказать, вернее, попробовать сказать, что это неопределимо, ведь здесь поистине бездна смысла и содержания. По счастью, никто не должен знать Венецию, быть УзнатокомФ, чтобы пережить этот город как праздник. Кто может познать ее архитектурное и монументальное единство, тянущееся от каждого дворца к городу в целом? Никто, невзирая на то, что в Венеции более, чем в любом другом городе, начиная с XVI века наличествовал объединяющий код, один общий язык, объемлющий собой весь город. Это единство проявляется на уровне, одновременно более глубоком и высоком, чем туристический. В нем сочетается реальность города с его идеальностью: практическое. символическое и

воображаемое. Репрезентация пространства (море, одновременно и покоренное, и постоянно напоминающее о себе) и пространство репрезентации (изысканные линии, утонченные удовольствия, роскошное и жестокое разбазаривание богатства, накопленного напряжением сил) усиливают друг друга. Точно так же пространство каналов и улиц, в котором вода и камень в двойной текстуре отражают друг друга. Театрализация, настолько изысканная, насколько превышающая всякую необходимость, произвольная сценография, радующая и преобразующая будничную жизнь во всех ее проявлениях. А прибавьте сюда еще и немного безумия!

Момент создания затерян в прошлом; исчезновение неминуемо. Полное жизни и обреченное на гибель, это творение волнует каждого, кто использует его ради своего удовольствия и тем самым вносит свою лепту в его уничтожение, сколь бы мала ни была эта лепта. Также можно сказать о деревне или о прекрасной вазе. Эти УобъектыФ занимают пространство, которое не было произведено как таковое. Возьмем цветок. УРоза не знает, что она розаФ [4]. Конечно, город не предлагает себя так же, как цветок, не ведающий своей красоты. Город УсоставляютФ люди, определенные социальные группы. Однако в нем нет ничего УинтенциональногоФ, как в Упроизведении искусстваФ. Творение искусства (*oeuvre d'art*)! Для многих назвать так что-либо означает дать наивысшую оценку. Однако между творением природы и интенциональностью искусства простирается бездна. Из чего складываются соборы? Из политических актов. Статуями увековечивали умерших, чтобы они не вредили живым. Ткани и вазы служили своим целям. Когда появилось искусство (что произошло незадолго до возникновения самого понятия УискусствоФ), то творения деградировали. Ни одно творение не было создано как произведение искусства, и поэтому искусство - а особенно искусство письма, литература, - служит провозвестником этого упадка. Быть может, искусство - как особый вид деятельности - разрушило *творение*, чтобы заменить его, медленно и беспощадно, *продуктом*, предназначенным для обмена, продажи и бесконечного воспроизводства. Быть может, пространство самых красивых городов рождается как растения и цветы в садах, то есть как уникальное творение природы, хотя и возникшее в результате труда людей весьма цивилизованных?

Это важный вопрос. Трансцендентны ли творения по отношению к продуктам труда? Описывается ли историческое пространство деревень и городов исключительно понятием *творение*, коллективное творение, еще достаточно близкое к природе, по крайней мере, настолько, что в нем не найти ничего, тесно связанного с понятиями *производства* и *продукта труда*, а значит, и с Упроизводством пространстваФ? Не перестарались ли мы, обращая в фетиш *творение*, вводя такое жесткое разграничение между созиданием и производством, природой и трудом, досугом и работой, уникальным и воспроизводимым, различным и повторяемым и, наконец, живым и мертвым?

Так же грубо разграничивают историческое и экономическое. Нет нужды долго изучать современные города, их пригороды и совсем новые постройки, чтобы понять: все они похожи между собой. Разграничение, более или менее строгое, между тем, что называется УархитектураФ, и тем, что называется УградостроительствоФ, другими словами, между УмикроФ и УмакроФ уровнями, между этими двумя занятиями и двумя профессиями, не увеличивает различия. Как это ни печально, но повтор восторжествовал над единичностью, а искусственность и изощренность над спонтанным и естественным - а значит, продукт победил творение. Эти повторяемые пространства - следствие повторяемых действий (тех, кто трудится) и орудий, которые копируются сами и призваны копировать: машин, бульдозеров, бетономешалок, кранов, пневматических молотков и так далее. Но взаимозаменяемы ли эти пространства из-за того, что подобны друг другу? Подобны ли они настолько, что их можно обменивать, купить и продать, и разница будет лишь в сумме денег, то есть в чем-то, поддающемся количественному определению (объемы, расстояния)? Повторение правит бал. Можно ли все еще считать такое пространство УтворениемФ?

Бесспорно, это уже продукт - и в самом строгом смысле этого слова: он повторим и является результатом повторяемых действий. Следовательно, пространство производится даже тогда, когда это производство превышает масштабы шоссе, аэропорта или произведения искусства. Еще надо заметить: эти пространства имеют все более и более отчетливый *визуальный* характер. Их изготавливают, чтобы *видеть*: людей и вещи, пространства и то, что они в себе заключают. Эта доминирующая черта, *визуализация* (более значимая, чем *театрализация*, которая, впрочем, сюда тоже включается), маскирует повторы. Люди смотрят и путают жизнь, видение и зрение. Ведь строят по проектам и планам. Покупают по изображениям. Видение и зрение - две классические фигуры интеллигентности на Западе - сыграли с нами дурную шутку: в социальном пространстве они допускают симуляцию разнообразия, иллюзию ясности и понятности - прозрачность.

Но вернемся к примеру Венеции. Да, уникальное, чудесное пространство. Произведение искусства? Нет, ведь не было никаких заранее начертанных планов. Она родилась из вод. Однако не сразу, как Афродита, а постепенно. С самого начала у Венеции был один вызов (природе и врагам) и одна цель (торговля). Пространство лагуны, болота и отмели, выходящие в открытое море, не могло отделиться от более обширного пространства, пространства торговых обменов, тогда еще не всемирных, но уже средиземноморских и ближневосточных. Потребовалась непрерывность, обеспечиваемая большим чертежом, продолжающимся практическим проектом и особой политической кастой, талассократией, торговой олигархией. Начиная с первых свай, вбитых в отмель лагуны, каждое *место* было сначала спроектировано, а потом обустроено людьми: политическими УвожакамиФ, поддерживающими их группами, теми, кто трудился на строительстве. Как только были удовлетворены насущные потребности, связанные с вызовом, брошенным морю, - сделаны порт и судоходные каналы - начались публичные собрания, празднества, грандиозные ритуалы (бракосочетание дожа с морем), полные архитектурных выдумок. Здесь прослеживается связь между местом, обработанным коллективной волей и мыслью, с одной стороны, и производительными силами, с другой. Ведь обрабатывалось именно место. Вбивать сваи, конструировать набережные и портовые здания, строить дворцы - все это было общественным трудом, совершаемым в тяжелых условиях, под строгим надзором и по приказу определенной касты, которая от всего этого получала прибыль. Разве здесь за *творением* не прячется *производство*? Разве здесь не появляется общественный прибавочный продукт, предшественник капиталистической прибавочной стоимости? С той только разницей, что в Венеции прибавочный труд и прибавочный продукт реализовывались и тратились в основном прямо на месте - в городе. Эстетическое использование прибавочного продукта, согласно вкусу щедро одаренных и высоко цивилизованных, несмотря на свою жестокость, людей не может замаскировать происхождения этого продукта. Весь блеск Венеции, сегодня клонящейся к закату, основывается на повторяющихся жестах каменщиков и плотников, матросов и грузчиков. И патрициата, из дня в день управляющего делами города. Однако в Венеции каждый обсуждает и воспекает разнообразие удовольствий, изобретение празднеств, утех и торжественных ритуалов. Если речь идет о поддержании различия между творением и продуктом, это различие имело только относительное значение. Может быть, нам стоит проследить между этими двумя терминами более тонкую связь, чем та, что существует на уровне подобия или противопоставления? Всякое творение занимает пространство, порождает его и оформляет. Всякий продукт, так же занимая пространство, внутри него циркулирует. Какие отношения возникают между этими двумя модальностями занимаемого пространства?

Даже в Венеции социальное пространство производилось и воспроизводилось в связи с производительными силами (и производственными отношениями). Производительные силы, по мере их роста, не разворачивались в предсуществующем, пустом, нейтральном пространстве или пространстве, определяемом только географически, климатически, антропологически и так далее. Нет никакого резона настолько отделять производство (творение) искусства от продукта труда только для того, чтобы утвердить транспарентность

творения. Несмотря ни на что, все равно остается надежда установить такую диалектическую связь, в которой творение проникает в продукт, а продукт не поглощает созидания в повторении.

Ни природа - климат и географическое положение, - ни предшествующая история не могут полностью объяснить социального пространства. То же можно сказать и о УкультуреФ. Кроме того, один только рост производительных сил не влечет за собой по прямой причинно-следственной связи какого-либо пространства или времени. Вмешиваются посредники: действия социальных групп, факторы знания, идеологии, репрезентации. В таком пространстве содержатся весьма разнообразные объекты, природные и социальные, сети и пути, которые облегчают передачу материальных вещей и информации. Оно не сводится ни к объектам, которые его составляют, ни к их сумме. Эти УобъектыФ - не только вещи, но и отношения. В качестве объектов они обладают умопостигаемыми качествами, контурами и формами. Общественный труд их трансформирует. Он по-новому размещает их в пространственно-временных комплексах, при этом не обязательно нарушая их материальное и естественное состояние: остров остается островом, залив - заливом, река - рекой, холм - холмом и так далее.

Вот еще один пример, тоже взятый в Италии. Почему? Потому что в этой стране докапиталистическая история особенно богата смыслами и потому что подготовка к индустриальной эре там проходила особенно показательно, несмотря на то, что за этот ранний прорыв пришлось заплатить позже - в XVIII и XIX веках - потерей темпа и относительным отставанием.

Итак, Тоскана. Начиная приблизительно с XIII века или чуть раньше городская олигархия (купцы и буржуазия) трансформировала сеньориальные домены (латифундии), которыми владели по наследству или которые приобретали. На этих землях установили Участичный колонатФ: издольщики вместо крепостных. Издольщик получал свою часть продукта; следовательно, он был более заинтересован в производстве, чем раб или крепостной. Произведенное таким образом изменение, само произведшее новую социальную реальность, не было порождено ни только городом, ни только деревней, но их (диалектическим) взаимодействием в пространстве, на основе их предыдущей истории. Городская буржуазия хотела одновременно и накормить горожан, и вложить деньги в сельское хозяйство, и подмять под себя всю округу, снабжавшую зерном, шерстью, кожей и прочим рынки, которые они контролировали. Следовательно, она трансформировала деревню и ландшафт, согласно заранее обдуманному плану и следуя определенной модели: *poderi*, дома издольщиков, группировались вокруг дворца, в котором время от времени жил владелец и постоянно проживал управляющий. *Poderi* от дворца отделяла кипарисовая аллея. Что символизировали эти кипарисы? Собственность, бессмертие, постоянство. Аллеи кипарисов вписывались в ландшафт, придавая ему одновременно глубину и значение. Эти деревья, линии аллей, организовывали владения, разграничивали их части. В ландшафте обозначилась перспектива, она завершалась в городских площадях среди архитектурных деталей, которые ее окружали. Это - пространство, порожденное городом и деревней и их взаимоотношениями, пространство, которое художники (сиенская школа, первая в Италии) очистили от примесей, сформулировали и развили.

В Тоскане и в других местах в ту же эпохуЕ не только развивалось материальное производство и появлялись новые социальные формы, происходило также и социальное производство материальных реальностей. Новые социальные формы не были УвписаныФ в предсуществующее пространство. Произведенное пространство не было ни городским, ни сельским, но результатом порожденного, нового отношения между этими пространствами.

Причина и основание этой трансформации - рост производительных сил, в данном случае,

ремесленного сословия, и зарождающейся промышленности, в данном случае, сельской. Но этот рост проходил только через социальные отношения Угород-деревняФ и поэтому только через те группы, которые продвигали это развитие: городскую олигархию и часть крестьянства. В результате - бóльшее богатство, следовательно, бóльший прибавочный продукт, и этот результат отразился на условиях жизни этих групп. Роскошь, строительство дворцов и памятников позволили людям искусства, в первую очередь художникам, своими методами поведать о том, что происходит, и показать, что они видят. Они делали открытия, они строили теории перспективы, потому что им уже было предложено пространство в перспективе - такое пространство уже было произведено. Творение и продукт можно различить только через ретроспективный анализ. Абсолютно их разграничивать, отсекал друг от друга - значит убивать то изменение, которое их обоих порождает, - или, скорее, то единственное, что нам остается: концепцию производства, о которой мы с самого начала говорили. Этот рост, это взаимное развитие не обходились без множества конфликтов, без классовой борьбы (между аристократией и поднимающейся буржуазией, между У popolo minuto Ф и У popolo grosso Ф, между городом и деревней и так далее). Эта последовательность событий во многом совпадала с Укоммунальной революциейФ в некоторых частях Франции и Европы; но связь между различными аспектами глобальных процессов лучше понимается на примере Тосканы, чем какого-либо другого региона, потому что здесь она более заметна и ее следствия сильнее бросаются в глаза.

В итоге этого процесса возникла новая форма репрезентации пространства: зрительная перспектива, которая появилась в творениях художников, задала формат архитекторам, а потом и геометрам. Знание появилось из практики и после доработало ее своими методами, прибавив формализацию и логическую последовательность.

В течение этого периода в Италии, в Тоскане, вокруг Флоренции и Сиены, жители городов и деревень продолжали переживать свое пространство по-своему, эмоционально и религиозно. Они представляли себя, присутствующими при игре злых и добрых сил, ведущих постоянную битву друг с другом в тех особых местах, которыми для каждого были его собственное тело, дом, участок земли, а также церковь и кладбище. Это *пространство репрезентации* фигурировало во многих творениях (художников, архитекторов и так далее). Однако некоторые художники и ученые пришли к *репрезентации другого пространства*: гомогенного, четко отграниченного, с линией горизонта и точкой, где сходятся параллельные линии.

Перевод с французского Андрея Лазарева

-
- 1) Данный текст представляет собой перевод из книги: Lefebvre H. *La production de l'Espace*. Paris : Anthropos, 1974. Ch. II (У L T Espace social Ф). I 1. P. 83-96.
 - 2) Перевод по: Маркс К. *Введение (из экономических рукописей 1857-1858 годов)* // *Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса*. 2 изд. М.: 1955-1981. Т. 12. С. 731.
 - 3) Baudrillard J. *Le miroir de la production*. Paris: Casterman, 1973.
 - 4) См. комментарий Хайдеггера на двустичие Ангелуса Силезиуса : Heidegger M. *Der Satz vom Grund*. Pfullingen: Neske, 1957. S. 68-71.

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Татьяне Тихоновой](#) и [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)

